DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

А.М. Филитов

1970–1972 И 1989–1990 гг. В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проводится ревизия сложившихся представлений о коренных отличиях между процессами и результатами европейской разрядки 70-х годов и объединения Германии в 1989–1990 гг. Автор приводит как аргумент то, что определенные элементы статус-кво, кодифицированного в «восточных договорах» ФРГ, были включены в новую международную систему, которая возникла после слома Берлинской стены и окончания холодной войны. При этом статус-кво, который был зафиксирован в документах разрядки, не мыслился как нечто абсолютное и не допускающее каких-либо изменений, включая и те, которые могли открыть перспективы преодоления раскола Германии и Европы в целом. Тонкий баланс между принципом фиксации европейских границ (в первую очередь – германо-германской границы) и принципом права на самоопределение был достигнут в ходе сложного комплекса дипломатических переговоров, в которых главную роль сыграли А.А. Громыко и В.М. Фалин с советской стороны и Э. Бар – с западногерманской. Путь взаимных компромиссов имел и своих оппонентов. Определенная часть советского дипломатического сообщества и большинство руководителей ГДР выступали против чрезмерных, с их точки зрения, уступок западногерманской стороне. Это приводило к торможению процесса сближения позиций участников переговоров. События 1989–1990 гг. на германской сцене развивались по другому образцу: со смелыми инициативами по установлению более тесных германо-германских связей с перспективой преодоления раскола страны выступило постхонеккеровское руководство ГДР, тогда как с советской стороны на это реагировали нескоординированными и противоречивыми действиями. Это существенным образом ослабило советские позиции перед лицом экспансионистской политики Запада. В результате были упущены реальные шансы на создание более прочной архитектуры безопасности в Европе при недопущении распространения НАТО на восток.*

Ключевые слова: *разрядка; «восточные договоры»; объединение Германии; А.А. Громыко; В.М. Фалин; Э. Бар; В. Ульбрихт.*

Филитов Алексей Митрофанович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН. Россия, Москва.
E-mail: a_filitov@mail.ru

Filitov A.M. The Years 1970–1972 and 1989–1990 in Soviet-German Relations: A Comparative Analysis

Abstract. *The article attempts to revise the conventional view of the total difference between the processes and results of European détente in 1970 s and those of German unification in 1989–1990. It is argued that some elements of the status quo codified in Federal Republic's «Eastern Treaties» were incorporated in the new international system that emerged after the fall of the Berlin wall and the end of the Cold war. Conversely, the status quo of the détente settlements was not absolute, allowing for some changes, including the prospects for the unification. The delicate balance between the principle of the fixation of European (and the German-German in particular) borders and that of the self-determination was elaborated by the complicated web of diplomatic exchanges, where Foreign Minister Andrei Gromyko assisted by Valentin Falin on the Soviet side and Egon Bahr on the West German side played the major role. The quest for a compromise was not uncontested, however; a part of the Soviet diplomatic community and most of the GDR leaders opposed the excessive, in their views, concessions to the FRG, which sometimes slowed down the trend towards rapprochement. The events of 1989–1990 on the German scene demonstrated another pattern: the post-Honecker leadership of the GDR took bold initiative aimed at closer ties with West Germany, which could open the prospects of overcoming the division of the country, while the Soviet side responded with a chain of uncoordinated and controversial actions, which weakened its bargaining positions vis-à-vis the expansionist policies of the West. Thus, viable opportunities for a more enduring security architecture in Europe (a ban on NATO expansion to the East primarily) were missed.*

Keywords: *détente; Eastern Treaties; German unification; Andrei Gromyko; Valentin Falin; Egon Bahr; Walter Ulbricht.*

Filitov Alexey Mitrofanovich – Doctor of History Sciences,
Head Research Fellow of Institute of World History Russian Academy of Sciences (RAS). Russia, Moscow.
E-mail: a_filitov@mail.ru

На первый взгляд, довольно сложно искать параллели и тем более черты сходства между переговорами и договорами 1970–1972 и 1989–1990 гг. по германскому вопросу. Если в первом случае речь шла о закреплении и легитимации статус-кво, прежде всего в отношении европейских границ, и прежде всего в отношении границы между двумя германскими государствами, то во втором – о сломе этого статус-кво, причем упомянутая граница не просто изменилась, а вообще исчезла. Налицо, казалось бы, полярно противоположные по своим результатам и характеру исторические феномены. На самом деле между ними общего гораздо больше, чем отличного.

Отметим, что если германо-германская граница исчезла, то вторая граница, упомянутая в Московском и Варшавском договорах, а именно восточная граница Польши, напротив, получила дополнительную легитимацию. Она была отнюдь не лишней. В начале 1980-х годов в ФРГ развернулась острая дискуссия относительно того, сохранит ли свою правовую силу отказ от территорий за границей по Одеру-Нейсе в случае (тогда считавшимся гипотетическим) воссоединения Германии. Достаточно влиятельные политики приводили тот аргумент, что обязательства, вытекающие из «восточных договоров», связывают лишь правительство западногерманского государства, а будущая (гипотетически) единая Германия от них свободна [Филитов 1993, с. 213–214]. О возможных изменениях в «будущей западной границе Польши», о «границах 1937 года», о «компромиссе», который предусматривал бы «совместное польско-немецкое управление некоторыми территориями» заговорили в ФРГ в первые месяцы 1990 г. явно ободренные обстановкой неразберихи и хаоса, вызванного развалом ГДР и неясной линией советского руководства [Филитов 2009, с. 314–315]. Конец этим спекуляциям был положен Договором 2+4 от 12 сентября 1990 г., где был четко определен территориальный статус объединенной Германии (ФРГ, ГДР, Берлин), а также последующим польско-германским договором от 14 декабря того же года. Таким образом, можно сказать, что урегулирование 1990 г. не отменяло то, что было согласовано в 1970–1972 гг., а опиралось на него, продолжало и закрепляло положения «восточных договоров».

Противоречила ли духу и букве этих договоров идея (а затем и практика) объединения Германии? Для ответа на этот вопрос, очевидно, недостаточно анализировать их тексты (в них понятия типа «воссоединение» или «самоопределение», как известно, отсутствовали). Необходимо обратиться к записям советско-западногерманских переговоров, в ходе которых эти тексты были выработаны. В одобренных ЦК КПСС директивах к этим переговорам с ФРГ содержалась однозначная формулировка: «Если ФРГ будет пытаться поднимать в той или иной форме вопрос о воссоединении двух германских государств, решительно отклонять такую постановку вопроса, как не имеющую отношения к предмету переговоров» [Директивы, л. 28–29]. В этой формулировке, собственно говоря, не было ничего нового. По крайней мере с 1955 г., когда оба германских государства обрели суверенитет, советская сторона стала придерживаться той точки зрения, что вопрос о своем будущем (двуили моногосударственность) немцы должны решать между собой, без какого-либо вмешательства третьих сторон. Заметим, что процесс объединения именно так и происходил – путем переговоров между представителями ГДР и ФРГ; четыре державы (СССР, США, Великобритания и Франция) занимались лишь вопросами международного статуса объединенной Германии.

Порой советская дипломатия отступала от этой вполне логичной позиции, предлагая определенные решения, которые в принципе должна была бы озвучивать немецкая сторона (идея Общегерманского совета, выдвигавшаяся на Женевском совещании 1959 г.), но такого рода акции желаемого эффекта не давали и к ним впоследствии не возвращались. Разумеется, можно было повторить опыт 1959 г., добавив еще в повестку дня ряд вопросов, весьма актуальных в обстановке конца 60-х – начала 70-х годов: неонацистская опасность в ФРГ, ее роль в военных приготовлениях НАТО и т.п., однако такое нагромождение проблем и их «увязок» неминуемо завело бы переговоры в тупик. Был выбран и решен главный вопрос – о границах, все остальное должно было решаться в будущем, причем дифференцированно: что-то считалось делом исключительно немцев, что-то общим делом их и четырех держав. В этом отношении очень четко определил позицию СССР один из его ведущих дипломатов-германистов В.М. Фалин. На вопрос чиновников западногерманского МИДа, представляют ли собой зафиксированные между СССР и ФРГ договоренности «окончательное урегулирование» германского вопроса, последовал ответ (цитируем его по немецкой записи беседы, состоявшейся 29 марта 1972 г.):

«Не в интересах советской стороны придавать Московскому договору характер заменителя мирного договора. Советская сторона сохраняет интерес к урегулированию типа мирного договора, например в том, что касается определения военного статуса обоих германских государств.

Что касается права на самоопределение, то, как заявил Фалин, Московский договор никак не может его ограничить, поскольку речь идет о естественном неотчуждаемом праве. О чем Советский Союз и Федеративная республика не могут заключить договор между собой, так это об осуществлении права на самоопределение» [Politisches Archiv].

Если первый глава западногерманской делегации на начавшихся в декабре 1969 г. переговорах, посол Х. Аллардт, не смог или не пожелал принять к сведению эту логику, то его преемник Э. Бар, по сути, с ней согласился. Уже на втором заседании с его присутствием (3 февраля 1970 г.) наметилось явное сближение позиций. Глава советской делегации, министр иностранных дел А.А. Громыко констатировал, что «в конституциях обоих германских государств есть ссылки на объединение. Естественно, и та и другая стороны могут иметь свои взгляды на этот счет. Но это не может предопределять отношение к вопросу признания или непризнания границ». Бар со своей стороны выразил согласие с тем, что «два германских государства могут иметь свои собственные представления о будущем, и что расхождения в этих представлениях не должны мешать решению соответствующих вопросов» [Запись беседы А.А. Громыко со статс-секретарем в Ведомстве федерального канцлера Э. Баром 3 февраля 1970 г., л. 53].

Согласно немецкой записи беседы, точка зрения Бара по данному вопросу была изложена в развернутом виде и даже сильнее выражала отход от устарелых штампов, чем это зафиксировано в советском протоколе:

«Федеральный канцлер сказал, что он не хочет больше говорить о воссоединении, и он, статс-секретарь, считает это разумным, поскольку, если об этом слишком много говорить, это привело бы к неверным представлениям. За последние два дня он больше наговорил о воссоединении, чем за последние два года.… Каждая сторона может иметь свои цели, и …эти цели можно и не вносить в (обсуждаемое) соглашение» [Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland 1970. Bd 1. S. 149].

Тем не менее западногерманская сторона настаивала на каком-то упоминании темы объединения – хотя бы и за рамками совместного документа. Первоначально речь шла о некоем двустороннем «устном протоколе», а в конечном счете это вылилось в идею односторонней декларации, воплотившейся в так называемом «Письме о германском единстве». Бар почти открытым текстом давал понять своим собеседникам, что речь идет о чисто пропагандистской уловке, рассчитанной на внутреннее потребление, чтобы уменьшить число противников соглашения с СССР в ФРГ. Аргументация при этом использовалась весьма путаная и противоречивая, что в какой-то степени объясняет первоначально скептическую реакцию советской стороны на эту идею.

Однако после того как Бар сделал решающую уступку, согласившись (в ходе заседания 13 марта) на ту формулу по пограничному вопросу, которая затем вошла в Московский договор, эта позиция изменилась. До сведения западногерманской делегации это изменение советской позиции было доведено только в ходе третьего раунда переговоров (на первом его заседании 12 мая). Между тем уже 25 марта А.А. Громыко направил на утверждение в ЦК КПСС записку, в которой говорилось, в частности, по поводу предложенного Баром проекта «Письма»: оно «не налагало бы на нас каких-либо обязательств, ни в какой мере не означало бы изменения советской позиции по вопросу объединения Германии и вообще не имело бы никакого юридического значения, тем более, что ФРГ не просит от нас подтверждения получения такого письма. ФРГ в принципе могла бы не информировать нас о своем намерении направить такое письмо, а сделать соответствующее заявление или прислать тот или иной документ в момент подписания соглашения или после …».

В качестве аналогии приводился эпизод с односторонним заявлением Аденауэра такого же рода при установлении дипломатических отношений с СССР в 1955 г., которое «не имело никаких правовых или политических последствий и было не больше, чем формальностью, о которой сейчас вообще никто не вспоминает». Вдобавок записка Громыко напоминала, что сама «ГДР при заключении межгосударственных договоров, как правило, делала и продолжает делать соответствующие заявления о своей позиции по вопросу

объединения Германии», что о «намерении добиваться воссоединения» говорится в решениях последнего съезда СЕПГ и в Конституции ГДР. Общий вывод был очевиден: надо принять условия правительства Брандта. Заключительные слова документа говорят об этом вполне определенно: «предложить ФРГ приступить к подготовке текста соглашения. Считать вопрос срочным» [Громыко А.А. – ЦК КПСС. 25 марта 1970, л. 102–113].

Советская уступка по вопросу о «Письме» поначалу не была должным образом оценена западногерманской стороной. Более того, Бар на том же заседании делегаций, где эта уступка была сделана, по сути, дезавуировал свое предложение от 13 марта. Градус полемики резко повысился. Создавшийся кризис оказался, к счастью, кратковременным. Он был преодолен в ходе трех неформальных встреч Бара с Фалиным, состоявшихся 18–20 мая. Первая же из них началась с предложения Бара «вернуться к тезису по территориальному вопросу, который был выработан в ходе предыдущего раунда обмена мнениями» [Из дневника В.М. Фалина. Запись беседы с статс-секретарем правительства ФРГ Э. Баром 18 мая 1970 г. л. 11].

Это означало отказ от тех «вбросов», которые были им сделаны 12 мая и которые вызвали соответствующую ответную реакцию с советской стороны. Последовавшие переговоры шли не вполне гладко, тем не менее 22 мая на пленарном заседании делегаций был согласован документ, вошедший в историю как «бумага Бара». Такая персональная атрибуция, разумеется, несколько вводит в заблуждение, поскольку речь шла о продукте коллективного творчества, в котором с советской стороны решающую роль сыграл В.М. Фалин. Ему же принадлежит и наиболее яркая характеристика этого продукта: «Документ если не уникальный, то незаурядный в любом случае. 10 пунктов, словно 10 заповедей, должны были перевести советско-западногерманские отношения на качественно новую орбиту. Четыре из этих пунктов составят ткань Московского договора. Остальные превратятся в заявления о намерениях…» [Фалин 2016, с. 173–174].

На этом зигзаги в советско-западногерманском переговорном процессе не закончились. Очередная попытка ревизии уже достигнутых договоренностей была предпринята в ходе визита в Москву министра иностранных дел ФРГ В. Шееля (27 июля – 7 августа 1970 г.). На заседании 29 июля он выступил с идеей исключить из Договора статью 3, где речь шла о границах, объединив ее с предыдущей, где речь шла об отказе от применения силы. Громыко категорически выступил против, заявив, что советская сторона в том, что касается текста этой статьи, «не готова изменить здесь даже запятой». Вместе с тем когда речь зашла вновь о теме германского единства, глава советской делегации занял максимально гибкую позицию. На том же заседании 29 июля им было заявлено: «В Федеративной Республике... раздаются голоса, а что, дескать, будет, если ГДР и ФРГ договорятся об объединении. Это – не вопрос

договора, который мы собираемся заключить, и обсуждать это бесполезно. В практике международных отношений есть немало примеров, когда государства договариваются даже об изменении границ, об их корректировке, допустим по причине необходимости их лучшей охраны. Разумеется, никто не может запретить этого, если они поступают так по согласию, добровольно... По договоренности государства могут принимать решения относительно границ или установления даже одной общей границы. Так было, например, с ОАР и Сирией, когда они объединились и одно государство. Но это вопросы другого порядка» [Запись беседы А.А. Громыко с министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем 29 июля 1970, л. 8–39].

Приводя пример с объединением двух ближневосточных государств, А.А. Громыко, конечно, не имел в виду, что аналогичным путем будут развиваться отношения между ФРГ и ГДР (кстати, к моменту московских переговоров государственное объединение Египта и Сирии фактически перестало существовать, оставалось только название Объединенная Арабская Республика, а вскоре исчезло и название). Однако главное было в том, что советская сторона лишний раз подтвердила, что она в принципе не будет возражать против их объединения, коль скоро такой вопрос станет актуальным. Линия преемственности от 1970 к 1990 г. здесь налицо.

Имелись ли издержки в переговорном процессе, осложнившие путь к Московскому договору? Нужно сказать о «потере темпа», запаздывании с принятием решений в то время, когда это сулило максимальную отдачу и приводило к тому, что эта отдача оказывалась значительно меньшей, чем могла бы быть. Не все здесь зависело, разумеется, от советской стороны; нельзя списывать со счетов труднообъяснимую медлительность руководства ФРГ. Если советско-западногерманские документы были готовы к подписанию уже 22 мая, почему нельзя было их тогда же и подписать, а не тянуть до 12 августа? В промежутке оппозиция развернула активную кампанию против «восточной политики» с использованием достаточно грязных методов, включая похищение секретных документов и их утечку в прессу. Результатом стало ослабление внутриполитической базы правительственной коалиции, что сказалось на результатах местных выборов в трех землях ФРГ, показавших значительное падение популярности СвДП. Можно согласиться с мнением, выраженным колумнистом «Шпигеля»: еще до этих выборов (они состоялись 14 июня) у правительства был шанс «быстро заключить договор с Москвой на базе “бумаги Бара” и записать это на свой счет как внешнеполитический успех»; этот шанс не был использован, хотя «результат переговоров Бара уже тогда считался оптимальным» [Der Spiegel, S. 23].

Определенные вопросы можно поставить и в отношении советской тактики на переговорах. Если отвечавшая интересам СССР и его союзников позиция западногерманской стороны определилась уже в марте 1970 г., то почему нель-

зя было сразу и зафиксировать ее в совместном документе, а не тянуть с этим до мая? Так удалось бы избежать и того «кризиса» в переговорах, о котором шла речь выше, и, вероятно, добиться более обязывающих формулировок по границам («признание»). Самый общий ответ надо, видимо, искать в том соображении, что функция принятия политических решений принадлежала не МИДу, глава которого считал данный вопрос «срочным», а вышестоящим органам – Совету министров и Политбюро ЦК КПСС. В.М. Фалин в своих мемуарах отметил специфический порок «нашей бюрократии» – склонность долгое время уклоняться от рассмотрения того или иного вопроса, после чего следовала «спешка без пяти минут 12» [Фалин 2016, с. 146]. Это многое объясняет, но далеко не все. Порой высшему руководству могли поступать различные, даже противоположные «сигналы», и чтобы осуществить правильную выборку объективно требовалось определенное время. Такое имело место и в истории Московского договора. Если глава МИДа рекомендовал согласиться с предложениями Бара, включая и проект упомянутого «Письма», то из посольства СССР в ФРГ пришла даже не рекомендация, а категорическая резолюция: «целесообразно отклонить» – причем, что характерно, вообще без всякого обоснования [Царапкин – Семенову 13 апреля 1970, л. 115–116]. Крайне конфронтационные оценки шли в МИД из советского посольства в ГДР. Министр мог и не отправлять эти депеши «наверх», но там наверняка располагали и другими каналами информации, и эта информация могла существенно отличаться от той, что поставлял МИД.

Имелся и еще один фактор, существенно осложнявший выработку оптимального курса в подходе к германским реалиям, – фактор ГДР. Первое, что можно сказать о позициях руководства немецких «друзей» по вопросам, которые так или иначе затрагивались в ходе советско-западногерманских дискуссий, – это их крайняя противоречивость. Приведем два примера. В сентябре 1967 г. Ульбрихт высказался о том, что главное – это германо-германский диалог, а советской дипломатии не следовало бы вообще в него влезать: «Если по вопросу, непосредственно затрагивающему жизненные интересы ГДР, будет первым говорить Советский Союз, то у населения может сложиться впечатление, что за ГДР выступает СССР. Это несомненно осложнит нашу борьбу с национализмом» [Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР, МИД ПНР и МИД ГДР 14–15 сентября 1967 г., л. 107]. В феврале же 1970 г., на встрече с прибывшим в Берлин А.А. Громыко он заявлял уже нечто совершенно противоположное: «…надо ясно себе представлять, что по вопросу о границе ГДР с Бонном не договориться, если до того не будет достигнуто соответствующей договоренности между СССР и ФРГ» [Запись беседы А.А. Громыко с Первым секретарем ЦК СЕПГ 24 февраля 1970 года, л. 34].

На той же встрече он довел идею «отмежевания» от западного соседа до абсурдного максимума: даже употребление эпитета «германский» уже объяв-

лялось по существу «неполиткорректным», если использовать современную терминологию: «Около месяца в печати ГДР не употребляется выражение два или оба германских государства, так как это возбуждает иллюзии относительно единства нации и внутригерманских отношений. Мы говорим теперь только «отношения между ГДР и ФРГ», «переговоры между суверенной ГДР и суверенной ФРГ» [Запись беседы А.А. Громыко с Первым секретарем ЦК СЕПГ 24 февраля 1970 г., л. 38].

Между тем всего за несколько месяцев до этого, в октябре 1969 г. на заседании Политбюро ЦК СЕПГ Ульбрихт говорил о том, что «ныне существуют два государства немецкой нации» [Dokumente zur Deutschlandpolitik 1969, S. 29], а в декабре 1969 г. делегация ГДР на совещании руководителей государств – членов Варшавского договора представила проект договора с ФРГ, в преамбуле которого фигурировала все та же формула о «двух германских государствах немецкой нации».

Эти противоречия отражали, по-видимому, сложные процессы в руководстве СЕПГ / ГДР, где сталкивались разные силы и концепции, причем в практических рекомендациях Ульбрихт выглядел еще достаточно «умеренным» и реалистичным политиком. На той же встрече 24 февраля 1970 г. он выразил обоснованное пожелание, чтобы в планируемом советско-западногерманском документе принцип нерушимости границ фигурировал не только в общей форме, но и с конкретным упоминанием границы между ГДР и ФРГ «хотя бы в скобках». Однако для Председателя Совета министров ГДР В. Штофа этого показалось мало; он заявил со всей категоричностью: «ГДР будет требовать не просто уважения, а признания границы, окончательного и полного признания».

Имеющиеся документы указывают на то, что в этой «суперортодоксальности» Штоф был не одинок: против Ульбрихта сложилась мощная группировка, в которую входил и почти официальный его «наследник» Э. Хонеккер. В перипетиях этой борьбы внутри руководства «друзей» еще много неясного. Действительно ли конфликт достиг такой точки, что Ульбрихт добился удаления Хонеккера со всех постов и отправки его «на учебу» и что для отмены этого решения потребовалось срочное вмешательство советского посла, о чем тот пишет в своих мемуарах [Абрасимов 2007, с. 261–262]? Действительно ли завязались тайные контакты между социал-демократами ФРГ и окружением Ульбрихта – информация такого рода поступала советской стороне из разных источников, в том числе от того же Э. Бара [Из дневника В.М. Фалина 20 октября 1970 г., л. 54]? Действительно ли консервативные круги ФРГ получали некие материалы из ГДР, призванные скомпрометировать политику разрядки, как об этом сообщалось в предназначенном для партийных функционеров материале Правления СДПГ? [Абрасимов – Фалину 28 августа 1970 г., л. 103]. Что это были за материалы, от кого они были получены, если

это вообще имело место? Для ответа на эти вопросы требуются, очевидно, дополнительные исследования.

В самой общей форме можно констатировать, что позиции немецких «друзей» были порой осложняющим фактором на пути к «восточным договорам», но все же не решающим. Главным вопросом был пограничный, и ради его урегулирования можно было пойти на определенные уступки, невзирая на реакцию руководства ГДР, тем более, что ее интересы были удовлетворены по максимуму: впервые в международном договоре правительство ФРГ назвало другое германское государство его настоящим именем, признав границу с ним нерушимой, причем вовсе не «в скобках». ГДР получила исторический шанс мирного и органичного развития в качестве международно-признанного государства, равноправного члена мирового сообщества. Этот шанс не был использован. Широкое протестное движение подорвало основы существовавшего там строя, поставило в порядок дня преодоление раскола Германии и обретения ею государственного единства.

Как в сравнении с периодом 1970–1972 гг. выглядела в сложившихся условиях ситуация в треугольнике Москва – Берлин – Бонн? Отметим, что первый импульс к поискам путей сближения двух германских государств, открывающий путь к их эвентуальному объединению, последовал от нового руководства ГДР. Речь идет о проекте «договорного сообщества», выдвинутом главой ее правительства Х. Модровым в программном заявлении 17 ноября 1989 г. О реакции советской стороны мы можем прочесть в воспоминаниях советника-посланника посольства СССР в Берлине И.Ф. Максимычева: «Возражения (негласные, но совершенно определенные) неожиданно поступили из ЦК КПСС, который до сих пор безропотно принимал к сведению все фантазии руководства ГДР. Советских товарищей покоробило уже то обстоятельство, что Модров вопреки многолетней традиции не согласовал с Москвой внешнеполитическую часть своего выступления. Но особенно их обеспокоило то, что “договорное сообщество” могло быть истолковано как какая-то форма конфедерации, что считалось в Москве до поры до времени абсолютно предосудительным. Напрасно Модров убеждал советских представителей: “Если мы не займемся национальным вопросом, он очень скоро займется нами”, хотя это после падения стены было очевидной истиной. ЦК КПСС упорно стоял на своем. 24 ноября в Берлин прибыл заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, который в ходе закрытой встречи с Кренцем и Модровым в советском посольстве информировал их о неудовольствии руководства СССР, вызванным этим моментом заявления. Драгоценное время уходило; стратегический выигрыш, обеспеченный предложениями Модрова, растрачивался впустую» [Максимычев 2010, с. 209].

Заметим, что в ФРГ инициатива нашла более позитивный отклик: 20 ноября состоялись переговоры между руководителями ГДР и министром в

ведомстве федерального канцлера Р. Зайтерсом, в ходе которых «зондировались возможности реализации предложения о договорном сообществе» [Lehmann 1996, S. 391].

21 ноября советника федерального канцлера Х. Тельчика посетил прямой подчиненный Фалина Н.С. Португалов, который заявил, что Советский Союз мог бы при определенных условиях «дать зеленый свет немецкой конфедерации», и вручил Тельчику соответствующий рукописный текст [Филитов 2009, с. 308–309]. Для Бонна выводы были очевидны: во-первых, зачем зондировать что-то в Берлине, если это уже предлагают в Москве, а во-вторых, надо торопиться с провозглашением курса на быстрейшее объединение, а то СССР может захватить здесь инициативу. До сих пор неясна подоплека демарша Португалова; Фалин во всяком случае отрицал, что он давал такое поручение своему сотруднику; поскольку тот имел перед отъездом беседу с помощником Горбачева А.С. Черняевым, возможно, именно последнего следует считать автором всей идеи, либо имело место соавторство.

Ни Португалов, ни Черняев, ни даже Фалин, занимавший достаточно высокий пост, не имели функций и полномочий принятия политических решений. То же самое можно сказать и о Тельчике. Но если последний оперативно информировал канцлера о том, что произошло 21 ноября, то Горбачев, судя по всему, вообще ничего об этом не знал. Иначе трудно понять, почему он так резко осудил «10 пунктов» Коля, с которыми тот выступил в бундестаге 28 ноября и которые по существу были ответом на демарш Португалова. Или все-таки знал и колебался, давать ему официальную санкцию или оставаться на прежней позиции сохранения ГДР любой ценой, за что ратовал Фалин? Во всяком случае министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, которому во время своего визита в Москву в начале декабря пришлось выслушать инвективы Горбачева по адресу Коля и его «10 пунктов», уловил, если верить его мемуарам, некую в них неискренность, сделав вывод, что «дверь к единству Германии уже открыта…советское руководство уже настроилось на признание неизбежности объединения Германии» [Genscher 1995, S. 687]. О том же говорил и отказ Горбачева от приглашения французского президента Ф. Миттерана поехать вместе с ним в ГДР, «где совместное появление этих двух лидеров означало бы сигнал, что они твердо выступают за статус-кво в Германии» [Smyser 1999, p. 368–369].

Сигналы, исходящие с советской стороны, оставались крайне противоречивыми. Тот же Португалов, впервые высказавшийся насчет возможности объединения Германии, опубликовал в западногерманской печати статью, посыл которой был прямо противоположным: «Две Германии лучше, чем одна». Статья эта появилась 26 января 1990 г. [Дашичев 2015, с. 277]. Своеобразным курьезом можно считать то, что именно в этот день состоялось совещание ЦК КПСС, где был зафиксирован факт развала государственных

структур в ГДР. Ситуация «двух Германий» уже переставала быть политической реальностью. 11 февраля 1990 г., по итогам визита Коля в Москву было заявлено, что «сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решать сами немцы и сами определять свой выбор, в каких государственных формах, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать» [Филитов 2009, с. 307]. Если воспринимать эти формулировки буквально, то получалось, что четыре державы, имевшие определенные права и ответственность в отношении Германии, вообще исключались из переговорного процесса. Это упущение было скорректировано конституированием модели 2+4.

Какое-то время функционировал и еще один переговорный механизм, который можно было определить как 2+2. Имеются в виду консультации между руководителями правовых служб министерств иностранных дел СССР, Франции, ФРГ и ГДР. Согласно информации советского участника этого форума, особенно плодотворный характер имел обмен мнениями с представителем ФРГ Эстерхельтом, который, в частности, заявил, «что если советские войска покинут Германию, то американцы не смогут рассчитывать на длительное пребывание своих войск на немецкой территории» [Филитов 2009, с. 331–333]. Прогноз оказался неверным, и можно задаться вопросом, не было ли «обещание» Эстерхельта всего лишь тактическим маневром.

Что касается переговоров на германо-германском уровне, то ГДР удалось добиться в какой-то мере закрепления тех изменений в отношениях собственности, которые были осуществлены в восточной Германии после 1945 г. (аграрная реформа, акты экспроприации отдельных предприятий, предметов искусства и т.д.), что лишний раз подтверждает некорректность представления о договоренностях 1990 г. как полном отрицании и разрушении статус-кво. Для Советского Союза переговоры по формуле 2+4 закончились менее удачно: поначалу планировалось обеспечить внеблоковый статус объединенной Германии, затем – по крайней мере, нераспространение структур западного блока на восток. Однако первая позиция была полностью сдана, а в отношении второй советская сторона удовлетворились устным заверением американского госсекретаря Дж. Бейкера о том, что НАТО не продвинется за пределы объединенной Германии «ни на дюйм». В западной историографии не утихает дискуссия по поводу этого высказывания Бейкера. Отражало ли оно позицию администрации США или речь шла о его личном мнении? Был ли он искренен, давая данное заверение, или намеренно вводил советскую сторону в заблуждение? Почему тогдашнее советское, а затем и российское руководство не потребовало более четких и твердых гарантий своей безопасности? Это лишь некоторые из дебатируемых вопросов [Shifrinson 2016, p. 7–44; Trachtenberg 2021. p. 162–203].

Во всяком случае, в ситуации 1989–1990 гг. отступление советской дипломатии по жизненно важным вопросам европейской безопасности не было объективно предопределенным неизбежным феноменом. И.Ф. Максимычев приводит в связи с этим характерное высказывание одного из высокопоставленных сотрудников администрации США Ф. Зеликова: «Тогдашняя советская политика предельно облегчила для США задачу включить объединенную Германию в НАТО, поскольку она ни разу не попыталась опередить события. Если бы СССР …в конце 1989 года на определенных условиях (например, неприсоединения к НАТО) предложил германское единство, Бонн и Вашингтон попали бы в весьма некомфортное положение» [Максимычев 2000, с. 135].

«Окно возможности» в плане достижения более приемлемого для СССР (и Европы в целом) урегулирования существовало, и оно было открыто довольно долго. Насколько долго – это предмет дальнейших исследований. Во всяком случае, чем раньше соображения, изложенные в ноябрьском демарше Португалова, приобрели бы статус официальной инициативы советской дипломатии, тем реальнее был бы оптимальный с советской и европейской точек зрения результат. Этого не случилось. Руководство СССР оставалось на старой позиции немецкой двугосударственности вплоть до конца января 1990 г., зато упомянутый демарш привел к резкому изменению политики ФРГ. Не будь его, вряд ли появились бы «10 пунктов» Коля, и вообще вряд ли вопрос об объединении приобрел такую актуальность и динамику. Налицо своеобразный исторический парадокс.

Имел место и еще один парадокс. В обстановке 1970–1972 гг. столкновение различных течений и концепций с естественным результатом в виде противоречивости и неопределенности политических установок были феноменом, характерным для руководства ГДР, а СССР представлял собой образец более консолидированного, последовательного и гибкого политического курса. В конце 1989 – начале 1990 г. картина оказалась диаметрально противоположной. Хотя ГДР находилась в состоянии острейшего кризиса, ее руководство, несмотря на партийные различия, оказалось способным проявить единство и определенные успехи в отстаивании интересов своих граждан перед лицом подавляющего превосходства партнера по переговорам, тогда как обладавшая огромным потенциалом советская сверхдержава оказалась парализованной внутренними конфликтами и отсутствием четкой политической линии. Различия в планировании советских дипломатических операций были и в 1970–1972 гг., имело место и определенное запаздывание с принятием верных решений, о чем говорилось выше. Однако тогда это вело лишь к незначительным издержкам, которые не имели критического значения. В ситуации 1989–1990 гг. эти издержки приобрели уже фатальный характер. Их последствия все мы ощущаем вплоть до наших дней.

Библиография

Абрасимов П.А. Четверть века послом Советского Союза. Изд. 2-е дополн. М.: Нац. обозрение, 2007. 307 с.

Абрасимов П.А. – Фалину В.М. 28 августа 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 97. Д. 34. Л. 103.

Громыко А.А. – ЦК КПСС. 25 марта 1970 // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 58. Д. 14. Лл. 102–113.

Дашичев В.И. От Сталина до Путина. Воспоминания и размышления о прошлом, настоящем и будущем. М.: Новый Хронограф, 2015. 608 с.

Директивы к переговорам с ФРГ об отказе от применения силы. 3 декабря 1969 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 14. П. 53. Д. 6. Лл. 28–29.

Запись беседы А.А. Громыко со статс-секретарем в Ведомстве федерального канцлера Э. Баром 3 февраля 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 53.

Запись беседы А.А. Громыко со статс-секретарем в Ведомстве федерального канцлера Э. Баром 10 февраля 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 79.

Запись беседы А.А. Громыко с Первым секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Госсовета ГДР В. Ульбрихтом 24 февраля 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 93. Д. 4. Л. 34.

Запись беседы А.А. Громыко с министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем 29 июля 1970 // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 4. Лл. 38–39.

Из дневника В.М. Фалина. Запись беседы со статс-секретарем правительства ФРГ Э. Баром 18 мая 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 5. Л. 11.

Из дневника В.М. Фалина. Запись беседы со статс-секретарем Ведомства канцлера ФРГ Э. Баром 20 октября 1970 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 5. Л. 54.

Максимычев И.Ф. Падение Берлинской стены. Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине. М.: Вече, 2010. 350 с.

Максимычев И.Ф. Падение берлинской стены: Записки очевидца // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 128–135.

Протокольная запись консультаций между делегациями МИД СССР, МИД ПНР и МИД ГДР 14–15 сентября 1967 г. // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 12. П. 49. Д. 12. Лл. 99–120.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. 445 с.

Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1993. 240 с.

Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М.: Наука, 2009. 331 с.

Царапкин С.К. – Семенову В.С. 13 апреля 1970 // АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 58. Д. 14. Лл. 115–116.

Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1970. Bd. 1–3. München: Oldenbourg 2001. 2494 S.

Der Spiegel. 1970. № 31. S. 23.

Dokumente zur Deutschlandpolitik. VI. Reihe. Bd 1. 21 Oktober 1969 bis 31.

31 Dezember 1970. Bearb. von Daniel Hoffman. München: Oldenbourg, 2002. XCVIII. 1114 S.

Genscher H.-D. Erinnerungen. Berlin: Siedler-Verlag, 1995. 1086 S.

Lehmann H.G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bouvier, 1996. 574 S.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B130. 9018 A.

Shifrinson J.R.I. «Deal or No Deal?» The End of the Cold War and the U.S. Offer to Limit NATO Expansion // International Security. 2016. № 4. Pp. 7–44.

Smyser W.R. From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over Germany. New York: St. Martin's Press, 1999. 465 p.

Trachtenberg M. The United States and the NATO Non-extension Assurances of 1990: New Light on an Old Problem? // International Security. 2021. № 3. P. 162–203.

References

Abrassimov P.A. Chetvert' veka poslom Sovetskogo Soyusa. [Quarter Century as an Ambassador of the Soviet Union] Izd. 2 dopolnennoye [Second Edition, enlarged]. M.: Nacz. obozrenie, 2007. 307 p.

Abrassimov P.A. – Falinu V.M. 28 avgusta 1970 g. AVP RF. F. 0742. Op. 15. P. 97. D. 34. L. 103.

Gromyko A.A. – ZK KPSS. 25 marta 1970 goda. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 58. D. 14. Ll. 102–113.

Dashichev V.I. Ot Stalina do Putina [From Stalin to Putin]. M.: Novy`j Xronograf, 2015. 608 p.

Direktivy k peregovoram s FRG ob otkaze ot primeneniya sily [Directives for the negotiations with FRG on the renunciation of force]. 3 dekabrya 1969 g. [3 December 1969]. – AVP RF. F. 0757. Op. 14. P. 53. D. 6. Ll. 28–29.

Zapis' besedy A.A Gromyko so stats-sekrtaryom v Vedomstve federal'nogo kantslera E. Barom 3 fevralya 1970 [Transcript of the Talk by A.A. Gromyko with State Secretary in the Office of Federal Chancellor E. Bahr on 3 February, 1970]. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 56. D. 3. L. 53.

Zapis' besedy A.A Gromyko so stats-sekrtaryom v Vedomstve federal'nogo kantslera E. Barom 10 fevralya 1970 [Transcript of the Talk by A.A. Gromyko with State Secretary in the Office of Federal Chancellor E. Bahr on 10 February, 1970]. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 56. D. 3. L. 79.

Zapis' besedy A.A Gromyko s Pervym Sekretaryom ZK SEPG, Predsedatelem Gossoveta GDR V. Ulbrikhtom 24 fevralya 1970 goda [Transcript of the talk by A.A. Gromyko with the First Secretary of SED Central Committee, Chairman of GDR State Council, W. Ulbricht, on 23 February, 1970]. – AVP RF. F. 0742. Op. 15. P. 93. D. 4. L. 34.

Zapis' besedy A.A Gromyko s ministrom inostrannykh del FRG V. Sheelem 29 iyulya 1970 [Transcript of the talk by A.A. Gromyko with FRG Foreign Minister, W. Scheel on 29 July 1970]. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 56. D. 4. Ll. 38–39.

Iz dnevnikaV.M. Falina. Zapis' besedy so stats-sekrtaryom pravitelstva FRG E. Barom 18 maya 1970 [From Falin's Diary. Transcipt of the Talk with State Secretary in the Government of FRG, E. Bahr, on 18 May 1970]. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 56. D. 5. L. 11.

Iz dnevnikaV.M. Falina. Zapis' besedy so stats-sekrtaryom vedomstva kantslera FRG E. Barom 20 oktyabrya 1970 g. [From Falin's Diary. Transcipt of the Talk with State Secretary in the Office of FRG Chancellor, E. Bahr, on 20 October 1970]. – AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 56. D. 5. L. 54.

Maksimychev I.F. Padeniye Berlinskoi steny. Iz zapisok sovetnika-poslannika posol'stva SSSR v Berline [The Fall of the Berlin Wall. From the Notes of the Envoy-Advisor in the USSR Embassy in Berlin]. M.: Veche, 2010. 350 p.

Maksimychev I.F. Padeniye Berlinskoi steny: zapiski ochevidtsa [The Fall of the Berlin Wall: the Notes of the Eye-Wittness] // Novaya i novejshaya istoriya. 2000. N 3. P. 128–135.

Protokol'naya zapis' konsultatsiy mezhdu delegatsiyami MID SSSR, MID PNR i MID GDR 14–15 sentyabrya 1967 g. [Official Transcript of the Consultations between Delegations of the Foreign Ministries of the USSR, PPR and GDR on 14–15 September 1967]. – AVP RF. F. 0757. Op. 12. P. 49. D. 12. Ll. 99–120.

Falin V.M. Bez skidok na obstoyatel'stva. Politicheskiye vospominaniya [With No Allowance for Circumstances. Political Recollections]. M.: Centrpoligraf, 2016. 445 p.

Filitov A.M. Germanskiy vopros: ot raskola k ob'edineniyu. Novoye prochteniye [German Question: From Division to Unification. New Reading]. M.: Mezhdunarodny`e Otnosheniya, 1993. 240 p.

Filitov A.M. Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990. [Germany in the Soviet Foreign Policy Planning, 1941–1990]. M.: Nauka, 2009. 331 p.

Tsarapkin S.K. – Semyonov V.S. 13 aprelya 1970 // AVP RF. F. 0757. Op. 15. P. 58. D. 14. Ll. 115–116.

Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1970. Bd 1–3. München: Oldenbourg 2001. 2494 S.

Der Spiegel. 1970. N 31. S. 23.

Dokumente zur Deutschlandpolitik. VI. Reihe. Bd 1. 21 Oktober 1969 bis 31.

31 Dezember 1970. Bearb. von Daniel Hoffman. München: Oldenbourg, 2002. XCVIII. 1114 S.

Genscher H.-D. Erinnerungen. Berlin: Siedler-Verlag, 1995. 1086 S.

Lehmann H.G. Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn: Bouvier, 1996. 574 S.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. B130. 9018 A.

Shifrinson J.R.I. «Deal or No Deal?» The End of the Cold War and the U.S. Offer to Limit NATO Expansion // International Security. 2016. N 4. Pp. 7–44.

Smyser W.R. From Yalta to Berlin: The Cold War Struggle over Germany. New York: St. Martin's Press, 1999. 465 p.

Trachtenberg M. The United States and the NATO Non-extension Assurances of 1990: New Light on an Old Problem?// International Security. 2021. N 3. P. 162–203.